

Он чувствовал себя своим везде

СЛОВО О ДРУГЕ

Завтра – сорок дней со дня кончины Андрея Павловича Соленикова. До сих пор не верится. Он ушёл неожиданно, внезапно. Накануне ещё был на своём месте, ночью почувствовал себя неважно, на следующий день не вышел на работу, а вечером умер.

Он был очень хорошим человеком, в редакции нет никого, кто сказал бы по-другому. Не потому, что об ушедших полагаются говорить только так, а не иначе, – просто потому, что так было на самом деле.

Каждый из нас знал его как абсолютно надёжного человека в работе, в дружбе. Он никогда не подводил товарищей, умел держать слово. Коллега мог поделиться с ним любой, самой конфиденциальной информацией в полной уверенности, что Андрей не разболтает, не выдаст. А выслушает, даст совет, который впоследствии почти всегда окажется верным.

Он умел дружить: и с сослуживцами по редакции, и с теми, кого знал, как говорится, по жизни: с родственниками, друзьями детства, соседями, товарищами по яхт-клубу, людьми, с которыми когда-то работал, с теми, о ком когда-то писал. Узнав, что кто-то из них попал в беду, не жалел ни сил, ни времени, откладывал самые срочные дела и бросался на помощь.

Он был прекрасным семьянином: по-мужски сдержанный, в подробности своей домашней жизни не посвящал, но когда упоминал о жене, дочери, зяте, внуке, надо было слышать, с какой нежностью это звучало, с какой заботой!

Он был очень хорошим журналистом. Пришёл в журналистику с производства, знал его изнутри, чувствовал себя своим и в рабочей среде, и в разговоре с директором, знал и ценил многих учёных.

А больше всего любил писать об изобретателях. Он понимал удовольствие от мыслительного процесса, что свойственно далеко не всем людям. Любил пофантазировать сам, иногда в дружеском кругу довести свою фантазию до абсурда, радуясь как ребёнок игре ума и воображения. Навид суховатый, а на самом деле романтик, он чувс-

товал себя счастливым, когда удавалось встретиться с очередным чудачком, человеком нестандартных, смелых суждений – Андрей ощущал в таком человеке родственную душу.

Андрей Павлович был всегда открыт веяниям времени, кем-кем, а ретроградом его никак не назовёшь. Чего не приняла его натура органически, так это поклонения рублю. Он оказался абсолютно непрактичным человеком. Не использовал протестный капитал своих публикаций перестроечных времён, чтобы пойти в политику. Не извлёк реальной пользы из присвоенного ему звания академика Верхневолжского отделения Российской экологической академии, хотя оно давало возможность занять какую-нибудь непыльную должность. Не перевёл в денежный эквивалент обширные связи, накопленные за годы работы в газете.

Когда человек уходит, то вспоминается всё, вплоть до мелочей, которые, оказывается, тоже очень важны. Он первый шёл навестить коллегу в больнице, не забывал поздравить с днём рождения, разделить горе, когда оно у кого-то случалось. Он был одинаково внимателен к каждому человеку в редакции, не пропускал повода пошутить, сказать приветливое слово – о его кончине скорбят поэтому не только журналисты, но и наши корректоры, операторы компьютерного набора, верстальщицы, работники технической службы, специалисты по рекламе, распространители, бухгалтеры.

От имени всех, кто знал и уважал Андрея Павловича, – вечная память тебе, друг, которого нам будет очень не хватать.

Татьяна ЕГОРОВА.